

УДК 81/23 16.21.27

ОРИЕНТАЛИЗМЫ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.К. Байрамова, доктор филологических наук, профессор

Османское господство в Болгарии оставило большой след в болгарском языке в виде многочисленных заимствований из турецкого языка – турцизмов. Освобождение Болгарии от османского господства привело к большим переменам не только в обществе, но и в языке: началась продолжительная борьба с турцизмами, которая велась, как справедливо указывают исследователи, «в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций» [Венедиктов, 1992: 6]. Однако в болгарском языке до сих пор сохранился относительно большой пласт ориентальной лексики. Мало того, некоторые лексические и семантические инновации в современном болгарском языке связаны с турцизмами.

Имеющиеся в болгарском языке турцизмы представлены, по нашему наблюдению, следующими лексико-семантическими группами:

1. Соматизмы. Части тела. 2. Здоровье. Болезни. Лекарства. 3. Яства. Пища. Продукты. 4. Напитки. 5. Портрет человека. 6. Одежда. 7. Украшения. Ювелирные изделия. 8. Музыкальные инструменты. Мелодии. Песни. 9. Деньги. Расходы. Доходы. Долги. Оплата. Налоги. 10. Статус человека (семейный, социальный, административно-общественный, военный, профессиональный). 11. «Обидная» характеристика человека. 12. Ландшафт. 13. Растения. Кустарники. Деревья и плоды. 14. Фауна. 15. Религиозная лексика [Байрамова, 2007].

Большой научный интерес представляет анализ болгарских ориентализмов (турцизмов) и их татарских параллелей, то есть *межъязыковых ориентализмов-аппроксиматов*. (Этим названием подчеркивается, во-первых, ориентальное (восточное) происхождение исследуемых языковых единиц, а во-вторых, – их не абсолютное тождество, а приблизительность; лат. *approximatio* – приближение).

По нашему материалу, более тысячи ста турцизмов болгарского языка имеют около восьмисот словообразовательных дериватов, т.е. можно говорить о наличии в болгарском языке около двух тысяч лексем-турцизмов. (При этом учитываются архаизмы, историзмы и неологизмы.)

Сопоставление турцизмов болгарского языка с татарскими параллелями показало, что общими для болгарского и татарского языков являются 434 лексем, которые имеют в татарском языке 759 лексических дериватов и входят в 664 фразеологические единицы как их компоненты. Сравнение этих данных с данными по турцизмам в болгарском языке показывает, что численное превышение единиц татарского языка над болгарскими естественно для языка, развивающегося по своим внутренним законам, тогда как турцизмы в болгарском языке – заимствования, определенная часть которых пустила глубокие корни. При этом обращает на себя внимание очень важное обстоятельство: воплощение в жизнь пуристических

позиций в Болгарии было связано как с объективными, так и с субъективными аргументациями.

К объективным, лингвистическим, аргументациям относится, например, этимологическая затемненность внутренней формы турцизма. Так, слово *самсар* (тур. *sansar* – белка) – ‘белка’ вытеснено болгарскими словами *катерница*, *катеричка*, внутренняя форма которых раскрывается их связью со словами: *катерене* – ‘карабкание вверх’, ‘влезание’; *катеря се* – ‘карабкаться’, ‘взбираться’; *катерач* – ‘альпинист’, ‘горный турист’. Естественна и замена слов *тахтаба* / *тахтабити* / *тахтабица* (тур. *tahtabiti* – постельный клоп, букв. *tahta* – доска; *bit* – вошь) – ‘постельный клоп’ словом *дървеница*, внутренняя форма которого раскрывается его связью со словами: *дърво* – дерево, *дървен* – деревянный (этим. раньше кровати были деревянные и в их щелях “обитали” постельные клопы).

Субъективным, но естественным социолингвистическим аргументом для пуристических позиций – очищения болгарского языка от ориентализмов – является отрицательный след в исторической памяти болгар, оставшийся от времени османского господства. Факты из истории развития болгарского языка раскрывают эти пуристические тенденции.

Например, субституция турцизма болгарским словом может быть обусловлена национальными символами. Примером является турцизм *арслан* / *аслан* (тур. *aslan* – лев), вытесненный в болгарском языке словом *лев*, ибо лев как деталь болгарского герба служит символом болгарской государственности; денежная единица Болгарии называется так же – *лев*.

Лексема *лев* нередко употребляется в контексте, когда говорится о патриотизме болгар:

«...революцията изисква мъжка сила, кръвожадност, безпощадност

... а ти си ангел сџи... Ти извърши вече дълга си: левското знаме, дето из работи твоята ръка, ще ни разпаля и

воодушевява... Това е доста за една българска мома...» [И. Вазов. Под игом]. (... восстание потребует мужской силы, жестокости, беспощадности, а ты, ты – сущий ангел! Ты уже исполнила свой долг – *знамя со львом*, вышитое тобой, будет нас воспламенять и воодушевлять. Этого достаточно для болгарской девушки... – Курсив наш. – Л.Б.).

«...*Братя, пия за балканския лев!*» [И. Вазов. Под игом] – (Братья, я пью за балканского льва!)

В татарском языке лексема *арслан* (лев) активно функционирует.

С национальными символами связаны и такие реалии, как знамя, флаг, которые раньше в болгарском языке именовались турецким словом *байрак* (перс. *beyrak*, тур. *bayrak* – флаг, знамя). Флаг является символом государства, и это обстоятельство не позволяло оставлять турецкое слово, вместо которого в современном болгарском языке употребляется лексема *знаме*. (В приведенном выше контексте из романа И. Вазова «Под игом» использовано сочетание *левското знаме*.)

В татарском языке лексема *байрак* – ‘знамя’, ‘флаг’ активно функционирует как самостоятельно, так и в виде компонента фразеологизма: *байрак кутәру* – ‘поднимать знамя’; имеет и словообразовательные дериваты: *байраклы* – ‘знаменный’, *байракчы* – ‘знаменосец’.

Что касается сохранения турцизмов в болгарском языке, то здесь, на наш взгляд, большую роль сыграло несколько факторов: лингвистический, экстралингвистический и социолингвистический.

I. Лингвистический фактор проявляется очень многообразно и связан с системно-уровневой организацией языка: турцизмы заимствовались в основном как лексемы, которые на почве болгарского языка реализовали свой деривационный потенциал на семантическом, словообразовательном и фразеологическом уровнях. Поэтому, когда некоторые из них впоследствии были заменены славянизмами, интернацио-

нализмами или архаизировались, они продолжали и продолжают функционировать как компоненты фразеологических единиц, как словообразовательные дериваты или как заново переосмысленные лексемы с иной, в основном с отрицательной, коннотацией.

Так, например, лексема-турцизм *сурат* была заменена словом *лице*, которое в современном болгарском языке выступает как компонент 44 фразеологизмов: *лице с лице* — лицом к лицу; (*критикувам*) *без оглед на лицата* — (критиковать) невзирая на лица и др. Но и лексема *сурат* является компонентом, правда, только нескольких стилистически сниженных фразеологизмов: *я си виж сурата!* — посмотри на себя! на кого ты похож! *имам сурат за...* — иметь нахальство; *плюя в сурата, груб.* — плевать в рожу; *плюя си на сурата, нар.* — потерять совесть.

Другие лексемы-турцизмы, став историзмами и таким образом выйдя из активного лексического состава болгарского языка, продолжают употребляться в болгарских фразеологизмах как их компоненты: историзм *диван* (тур. *dəvan*, ист. — **высший совет, суд**) — ‘верховный государственный совет при султани’ в современном болгарском языке может использоваться только как историзм. Однако с компонентом *диван* в болгарском языке функционирует фразеологизм *стоя диван чапраз* — ‘почтительно стоять (перед кем-л.) со скрещенными на груди руками’.

Во фразеологизме *на калето беглик е ходил* (человек, который родился очень давно; очень старый человек) в качестве его компонента присутствует лексема-турцизм *беглик* (тур. *beülik*) — налог на овец и коз, существовавший в очень далекие времена и, естественно, не имеющий места в современной жизни.

Сохранение турцизмов в болгарском языке обусловлено, с одной стороны, употреблением фразеологизмов с компонентом-турцизмом, а с другой стороны, наличием словообразовательных дериватов, значения которых появляются уже на болгарской языковой почве

и лишь отдаленно напоминают о своей деривационной базе.

Подобный путь сохранения турцизма в болгарском языке прошел и историзм *еснаф* (тур. *esnaf*) — 1) цех, гильдия; 2) член цеха, гильдии. Его семантический и словообразовательные дериваты функционируют в современном болгарском языке: *еснаф(ин)* — мещанин; *еснафка* — мещанка; *еснафски* — мещанский; *еснафство* — мещанство; *еснафщина, пренебр.* — мещанский менталитет.

Отметим, что сохранению турцизмов в болгарском языке способствуют и говоры болгарского языка, особенно родопские.

Ряду турцизмов в родопских говорах соответствуют в литературном болгарском языке славянизмы. Рассматривая болгарский язык как единое целое, составляющими которого являются и говоры, можно утверждать, что в современном болгарском языке турцизмы продолжают функционировать, несмотря на то, что сохранившиеся в говорах турцизмы отсутствуют в литературном языке, в котором имеются их литературные синонимы-славянизмы.

Например, в родопских говорах зафиксирована лексема *зехир* (перс. *zehr*, тур. *zehir*) — **яд, а также и фразеологизм** с этой лексемой: *блѡва зехир* (букв. изрыгать яд) — злобствовать. В другом диалектном фразеологизме *коза проси, мед на уста носи, вѣрѣца — зехир и отрова* (о человеке, который, когда он просит взаймы, ласков и любезен, но когда надо возвращать — злобен и сердит) также используется этот турцизм *зехир*; устаревшим является и дериват этой лексемы *панзехир* — противоядие. В татарском языке активно функционирует слово *зѣһѣр* — 1) яд, отравы; 2) *перен.* яд, желчь; а также фразеологизмы: *зѣһѣр елан / усал* — вредный, желчный, язвительный (о человеке); *зѣһѣр телле кеше* — язвительный человек; *зѣһѣр чѣчү* — беситься, метать громы и молнии; *зѣһѣр џил* — пронзительный ветер; *алда ѳйткѣннең зѣһѣре юк* — то, что сказано в лицо, не таит в себе злобы; *дустың ѳчен зѣһѣр эч* — ради друга

и яд выпей; *зәһәрле көлу* — *ехидничать*. Лексема *зәһәр* имеет и словообразовательные дериваты, которых, по данным словаря, шесть: *зәһәрлек*, *зәһәрләнү*, *зәһәрләтү*, *зәһәрлөү*, *зәһәрлөчү*, *зәһәрләнеп*.

Устаревшие или вытесненные славынизмами турцизмы могут продолжать функционировать в новом значении с отрицательной коннотацией — как «обидная» характеристика человека. Например, лексема *гюлле* в значении 'снаряд, ядро пушки' устарела и вместо нее употребляется слово *снаряд*, а слово *гюлле* функционирует как спортивный термин 'ядро, метательный снаряд' или как «обидная» характеристика очень полного, очень глупого и невосприимчивого человека. Подобных примеров в болгарском языке достаточно. Болгарскими исследователями создан словарь так называемых «обидных слов и выражений» — «Речник на обидните думи и изрази в българския език» [Ганчев, Георгиева, 1994], включающий 3 000 языковых единиц, из которых около двухсот слов являются турцизмами.

Таким образом, одна из активных функций ориентализмов в болгарском языке — это функция негативной характеристики человека. Немалая часть таких ориентализмов предстает в виде «обидных» слов и выражений. В известной работе Б. Цонева «История на българския език» выделено тринадцать тематических групп ориентализмов, в одной из которых — в тематической группе «Прозвища (укорни)» — представлено около ста слов [Цонев, 1984: 187–188].

Как показывает анализ, определенная часть ориентализмов усвоена болгарским языком с той же отрицательно-«обидной» семантикой, которую они имеют в турецком языке: *ахмак* (тур. *ahtak* — дурак, тупица, глупец) — дурак, болван, балда; *гамсъз* (тур. *gam* — горе, печаль — 1) безгорестный, беспечальный; 2) беззаботный, беспечальный) — беззаботный, беспечный;

душман (тур. *dyoman* — враг, неприятель) — враг, недруг, лиходей;

кутсуз (тур. *kutsuz* — 1) злосчастный, злополучный; 2) несчастный) — злосчастный; *налет* (ар., тур. *lanet* — проклятие, анафема) — проклятый.

Некоторые татарские лексемы-параллелизмы имеют такую же семантику, как и болгарские турцизмы, представляя, таким образом, болгарско-татарские аппроксиматы: болг. *ахмак* — тат. *ахмак*; болг. *гамсъз* — тат. *гамьсез* (беззаботный, беспечный); болг. *душман* — тат. *дошман* (враг, неприятель); болг. *налет* — тат. *нагъләт* (проклятие).

У другой части ориентализмов отрицательно-обидная семантика появилась уже в болгарском языке в дополнение к имеющейся в оригинале. Укажем ее: *бабаит* (тур. *babayirət* — богатырь, молодец), *разг.* — крупный и сильный мужчина; силач, молодец, *а также*: о том, кто держит себя невоспитанно, грубо, некультурно, демонстрируя свою физическую силу, здоровье (но видно, что он не может претендовать на интеллигентность, образованность); *бояджия* (тур. *boya* — краска; цвет) — 1) красильщик, 2) маляр; *а также*: о том, кто изменил убеждения, приспособляясь к обстоятельствам; неискренний, нечестный; без достоинства, ничтожный и жалкий человек. Вышеприведенные болгарские лексемы-турцизмы не имеют в татарском языке параллелей с подобной семантикой. Например, в татарском языке лексемы *буяу* — 'краска', *буяучы* — 'красильщик' употребляются без отрицательной «обидной» семантики.

Определенная часть ориентализмов болгарского языка, имеющих дополнительную семантику как «обидную» характеристику человека, представляет собой историзмы, отражающие период турецкого господства: *башибузук* (тур. *basibozuk* — **башибузук**) — *ист.* башибузук, солдат нерегулярных частей турецкой армии; *а также*: тиран, грубый, бесчувственный, жестокий, бесчеловечный; *хайдук* (тур. *hayduk*, *ист.* — 1) гайдук; 2) бандит) — 1) бандит; вор, мошенник; 2) *ист.* гайдук; *а также*: вор, разбойник; подлый, жестокий человек.

Будучи историзмами-ориентализмами, они вошли в интернациональный фонд тюркских языков, в том числе и в лексический фонд татарского языка, употребляясь в нем также и с «обидной» характеристикой (*гайдук*, *сатрап* – грубый, жестокий начальник, руководитель).

Однако основную часть «обидных» ориентализмов в болгарском языке составляют те, которые не стали историзмами и значения у которых появились уже в болгарском языке на основе метафорических, метонимических и др. видов переноса с ориентацией на отрицательную характеристику черт человека, его поведения и внешности. Некоторые свойства, качества, функции предметов, явлений, людей, животных ассоциировались с определенными людьми – носителями подобных свойств, качеств, черт и исполнителями подобных функций. См.: тур. *barut* (порох) – болг. *барутлия* (вспыльчивый человек); тур. *gop* (выделанная кожа) – болг. *гьон* (толстая кожа для подметок или подошвы; толстокожий, бесчувственный человек); тур. *karagoz* (комический персонаж народного теневого турецкого театра) – болг. *карагьоз* (лукавец, хитрец, мошенник; изменник) и др.

В татарском языке имеются лексические параллели-аппроксиматы некоторых данных болгарских турцизмов, но они употребляются без «обидной» семантики, а только в прямом значении. Исключением является лексема *шакал* (болгарско-татарская параллель *чакал* – *шакал*), которая употребляется, как и болгарская лексема, еще и в переносном значении: ‘хищный, алчный человек’.

«Обидными» ориентализмами в болгарском и татарском языках передаются такие отрицательные черты характера, как: глупость (*абдал* – дурень, болван, простофиля; болг., тат. *ахмак* – дурак, болван, балда); жестокость (*караконджо* – жестокий; злой, бесчеловечный; *касапин* – грубый, жестокий, бесчеловечный; болг., тат. *сатрап* – исключительно жестокий, бесчеловечный, садистский); злобность (*урсуз* – злой

человек); алчность (болг. *чакал*, тат. *шакал* – хищный, алчный); скаредность (*пинтия* – скряга, скупердяй); хитрость (болг. *шейтан*, тат. *шайтан* – хитрец); плутовство, ложь, нечестность, воровство (*ментарджия* – обманщик, плут, жулик; *пишман* – лживый); мошенничество (*карагьозчия* – мошенник); лень, безделье (*дембел* – лентяй, лежебока; *хаймане* – бездельник, лентяй; *хайлаз* – лентяй, бездельник, лодырь); зависть (*кьскантия* – завистник, соперник); вспыльчивость (*барутлия* – вспыльчивый человек, который сразу приходит в гнев, обижается без серьезных причин); сумасбродство (*баят* – сумасбродный, полупомешанный); капризность (*махамеджия* – привередник, придира, капризник); скандальность (болг. *каваджия*, тат. *гаугачы* – скандалист); склочность (*мюзевирун* – склочник, кляузник); сплетничанье (*чапрашник* – сплетник); хвастовство, болтливость (*фьрфара* – хвастун, болтун); невежество, бескультурье (*калтак* – некультурный, малообразованный, простак); раболепство (*калфа* – раболепный человек); сводничество (*калтаба* – сводник); развратность (*пачавра* – развратная женщина) и др.

Семантика ориентализмов – «обидных» слов и выражений в болгарском языке отнюдь не ограничивается приведенными выше примерами. Для анализируемых ориентализмов характерен неоднородный, расплывчатый семантический объем; *катил* – преступник, хулиган; глупый, тупой; бесчувственный, грубый; простофиля; *паша* – властный, мерзкий; очень ревнивый; *тюфяк* – дебелый, толстый; тупой; *чакьн* – бездельник; повеса; бабник; развратник; и др.

Эта семантическая неоднородность и расплывчатость обусловлены, на наш взгляд, интуитивно-ассоциативным усвоением заимствованных слов, которые были, в представлении болгарского народа, номинациями того отрицательного, что наблюдалось им в жизни при господстве турков и контактов с ними.

Наделение турцизмов отрицательным, «обидным» смыслом объясняется ролью экстралингвистического фактора, раскрывающего отрицательное отношение к языку народа-поработителя. Сравнение болгарских турцизмов с соответствующими лексемами татарского языка показывает численное превосходство «обидных» болгарских турцизмов.

В целом анализ ориентализмов в современном болгарском языке в инновационном и аксиологическом аспектах раскрывает следующие тенденции.

1. Ориентализмы, первоначально заимствованные с нейтральным значением, меняют свой аксиологический вектор на антиценностный: болг. *туррук* (тур. *toğuk* — тунец) — 1) *зоол.* тунак, тунец; 2) *презр.* толстый; глупый, наивный человек.

2. Ориентализмы, первоначально заимствованные с положительным значением, меняют свой аксиологический вектор на антиценностный: болг. *бабаит* (тур. *babayigit* — богатырь, молодец), *разг.* — крупный и сильный мужчина; силач, молодец; а новое значение: о том, кто держит себя невоспитанно, грубо, некультурно, демонстрируя свою физическую силу, здоровье (но видно, что он не может претендовать на интеллигентность, образованность).

3. Ориентализмы, первоначально заимствованные с отрицательным антиценностным значением, развивают далее это значение в сторону антиценности: болг. *катил* (ар. *katil*, тур. *katil* — убийца, преступник), *разг.* — 1) убийца, каторжник, преступник; 2) *неодобр.* обидн. — хулиган, глупый, тупой; бесчувственный, грубый; простофиля; болг. *чакън* (тур. 1) волокита, женолоб; 2) озорник, бедокур), *разг. презр.* — бездельник, повеса, бабник; развратник; неудачник.

Как видно, семантические инновации ориентализмов, вошедших в болгарский язык относительно давно и употребляющихся до сих пор в современном болгарском языке, шли в сторону развития у ориентализмов отрицательного значения.

Однако, судя по последним заимствованиям, зафиксированным, например, в «Речник на новите думи в съвременния български език» [Бонджолова, Петкова, 1999], эта тенденция закончилась.

Можно отметить, что ориентализмы, первоначально заимствованные с нейтральным значением, приобретают новое значение, также нейтральное: болг. *леген* — 1) таз, лоханка, лохань; 2) кузов самосвала (ср.: тур. *leren* — большой таз).

Кроме того, в современном болгарском языке появляются «гибридные слова» («домашняя основа» + турецкий суффикс), составляя определенный пласт неологизмов: *бензинджия* — работник на бензозаправке; *кабелдджия* — собственник или руководитель кабельного телевидения; *таксиджия* — таксист; *фирмаджия* — собственник фирмы [Бонджолова, Петкова, 1999].

При этом, как отмечает Веса Кювлиева, лексемы с суффиксом *-джи(я)* имеют тенденцию развивать новое значение: 'любитель чего-л.; человек, пристрастный к чему-л.' (что является отрицательной, но не «обидной» характеристикой человека): *рокаджия* — приверженец рок-музыки; *хазартаджия* — человек, который играет в азартные игры, *картаджия*, *модаджия*, *курортаджия* и др. [Кювлиева, 1981].

Эти гибридные слова с суффиксом *-джи(я)* отражают и современные криминальные ситуации: *взломатджия* — совершающий преступление (ограбление) через взлом; *каналдджия* — организатор канала нелегального трафика. Ориентализм, гибридный неологизм, как и неологизмы по своей сущности, отражает новые стороны культурного, экономического состояния в обществе: *европазар* — европейский рынок; *квазипари* — дополнительные инвестиционные бонусы, которые дают рабочим в качестве компенсации неполученной зарплаты; *безхаберие* — отсутствие информации и интереса; незаинтересованность.

Обобщая наш материал о болгарских турцизмах, которые, с одной сто-

роны, «сошли со сцены» болгарского лексического пространства, а с другой стороны – продолжают функционировать в новом качестве (как компоненты фразеологизмов, как словообразовательные и семантические дериваты, неологизмы, диалектизмы), можно предположить, что здесь мы имеем дело со своеобразным проявлением закона сохранения «энергии» слова.

То, что слово обладает особой энергией, известно давно: «Слово лечит, слово и калечит», – говорится в русской поговорке, подчеркивающей силу, энергию сказанного слова. В энергию слова, его магическую силу люди верили давно, и об этом писал в своей работе «Заговоры как вид русской народной поэзии» (1876) известный представитель казанской лингвистической школы, профессор Казанского университета Н. В. Крушевский [Крушевский, 1876]. О поэтической энергии слова пишет и видный современный лингвист Н.Ф. Алефиренко в монографии «Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры» [Алефиренко, 2002].

В аспекте рассматриваемой проблемы пуристических тенденций по отношению к турцизмам болгарского языка и динамики языковых и исторических процессов, протекавших в болгарском языке и в самой Болгарии, можно, видимо, говорить о сохранении «энергии» некоторых турцизмов (устаревших или заново переосмысленных, замененных славянизмом / интернационализмом), ибо они продолжают функционировать в другой форме, в другой сфере, на другом языковом уровне болгарского языка. Рассмотренная тенденция сохранения «энергии» слова (в нашем материале – турцизма) является, на наш взгляд, универсальной, специфически реализуясь в различных ситуациях: лингвистическая «энергия» турцизма сохраняется во фразеологизмах, словообразовательных и семантических дериватах, в неологизмах и диалектизмах.

II. Экстралингвистический фактор, связанный с сохранением турцизмов в болгарском языке, проявляется в виде

хронологического и аксиологического параметров.

Роль хронологического параметра заключалась в том, что турецкий язык в Болгарии имел статус господствующего языка на протяжении очень длительного периода (около пятисот лет), что, естественно, сказалось на развитии болгарского языка, в котором появилось большое количество заимствований из турецкого языка.

Роль аксиологического параметра обосновывается тем, что в болгарском языке сохраняются те турцизмы, семантика которых отражает общечеловеческие ценностные (счастье, разум, деньги, шутка и др.) или антиценностные (беда, трудности, плохо, слепой и др.) представления, конвенционально закрепленные в языке.

Например, выражающий ценность «Счастье» турцизм *късмет* (тур. *kismet* – 1) счастье, удача; 2) судьба, доля) – 1) счастье, везение, удача; счастливый случай; 2) судьба, участь – в современном болгарском языке заменен словами: *щастие, съдба, орисия, сполука*.

Болгарская лексема *щастие*, являющаяся относительно частотным компонентом фразеологических единиц (*разковничето на щастие*то – залог счастья, *щастие*то ми се усмихва – счастье мне улыбается и др. – 9 фразеологизмов), этимологически восходит к праславянскому слову и объясняется исследователями так: из *др.-инд. su-* ('хороший') + *часть*, т.е. *щастие* – это 'хорошая часть, хороший удел' [Фасмер, 1987: 816].

Болгарские лексемы *съдба* и *орисия*, *орис* (нар.-поэт.) отражают представления болгар о судьбе человека, которая связана, с одной стороны, с Божьим судом (*съдба* < *съд* – суд), а с другой стороны – с поверьем о существовании мифических существ, определяющих судьбу новорожденного ребенка: *орисниц*, *речениц*, *наречениц* (производные от глаголов речи: *река* – сказать, *речен* – сказанный). «Орисницы, по верованиям болгар, – пишет С.М. Толстая, – записывают свои предсказания на голове ребенка. Считается, что эти знаки можно видеть (ими являют-

ся линии на стыках черепных костей), но никто не умеет их читать» [Голстая, 1994: 145].

Сполука — означает 'удачу', 'успех' (ср. с русским словом *благополучие*).

Все эти славянские лексемы являются также и компонентами фразеологизмов; с компонентом *сѣдба* — 9 фразеологизмов: *на произвола на сѣдбата* — на произвол судьбы; *прѣст на сѣдбата* — перст судьбы. Единичны фразеологизмы с компонентом *орисия* и *сполука*: *зла орисия* — горькая доля; *добра сполука!* — счастливо!

Однако самое большое количество болгарских фразеологизмов семантической группы о счастье сформировано с неславянским компонентом-арабизмом *късмет* (25 фразеологизмов): *търся си късмета* — искать счастья, счастливой доли; *всеки с късмета си, погов.* — всякому свое счастье, у каждого своя судьба, кому что суждено; *имам късмет, разг.* — мне везет, у меня удача, мне счастье (привалило); *до късмет е, разг.* — как повезет с чем-либо, как улыбнется счастье; *излиза ми късметът, разг.* — 1) находить свое счастье, находить своего(ю) суженого(ую); 2) счастье улыбается; мне везет; *опитвам си късмета, разг.* — пытаться счастья, испытывать судьбу; *търся си късмета* — искать счастья / счастливой доли.

Фразеологическую популярность лексемы *късмет* можно объяснить энергетикой этого слова, представляющего амальгаму двух сложных понятий: судьбы / доли и счастья.

В татарском языке счастье именуется ориентализмом персидского происхождения *бәхет* (перс. *baht* — доля, судьба, рок); в болгарском языке лексема *бахт* считается устаревшей, зафиксирована в диалектах, например, в форме *бахтлия* — 'счастливый' и как компонент фразеологизма *днес бахт, заран тахт* (букв. сегодня счастье, завтра доска) — жизнь человека полна превратностей, в которых человек сам виноват.

Большую популярность в болгарском языке имеет ориентализм *акъл* ('ум', 'разум', 'рассудок'), отражающий

общечеловеческое ценностное представление, конвенционально закрепленное в языке. Эта лексема выступает компонентом более шестидесяти фразеологизмов: *дигам се в акъле, разг.* — сто раз обо всем передумаю, и так и эдак прикину; *на акъл се уча, разг.* — учиться наукам; *наливам акъл в главата / научавам на акъл* — наставлять уму-разуму; *нося акъл — разг.* быть умным; *имам акъл в главата, разг.* — иметь голову на плечах и др. Необходимо отметить, что в болгарском языке используются и славянизмы: более ста фразеологизмов с компонентом *ум* (*зная си ума* — не терять головы, рассуждать трезво), три фразеологизма с компонентом *разум* (*без разум съм* — быть без ума от кого-л.); более ста пятидесяти фразеологизмов с компонентом *глава* (*имам глава* — иметь голову на плечах). При таком обилии болгарских фразеологизмов со славянскими компонентами *ум*, *разум*, *разсъдък*, *глава* активное употребление фразеологизмов еще и с арабизмом *акъл* можно, видимо, объяснить узко-конкретным значением этого арабизма, повлиявшим на семантику фразеологизмов при их формировании. *Акъл* — разум, рассудок, сдерживающий от непродуманных, опрометчивых поступков, решений, мыслей и т.п., от тур. *akəl* < араб. *akl*, этимологически объясняемого как 'цепь, которой скованы ноги злого духа, дива; див со скованными цепью ногами' [Ismet Zeki Eyuboglu, 1995: 18]. Эта семантика наличия или отсутствия определенного сдерживания, мыслительной селекции, просеивания, отбора отражена во фразеологизмах с компонентом *акъл*: *това ми е за акъл* ('это мне впредь наука'), *сто акъла ще ми дойдат* ('сто раз обо всем передумаю'), *викам си на акъла* ('говорить самому себе'; 'мысленно спрашивать себя') и др., в то время как некоторые фразеологизмы с компонентом *ум* или *глава* остаются за пределами фразеосемантической группы «Ум». Например, *тегля ума ми* — мне нравится кто-л., что-л.; *губя и ума, и дума* — язык отнялся; душа ушла в пятки. Подобная картина наблюдается и среди болгарских фразеологиз-

мов с компонентом *глава*, в которых этот компонент не передает семантику вместилища мыслей, а выступает эквивалентом лексем: *жизнь* (*взема главата* — убивать), *человек* (*смъртта е над главата ми* — близок конец жизни человека), *душа* (*изяждам главата* — выматывать душу) и др.

В татарском языке с компонентом *акъл* зафиксировано более восьмидесяти фразеологизмов (по данным словарей): *акылга кайту* — образумиться, одуматься; *акылга муафыйк* — мудрый совет; *акыл иясе* — ума палата; *акыллы баш*, ирон. — умник; *акыл теше чыккан* — опытный, умный человек; *акылы камил* — в здравом уме.

Самой употребительной в современном болгарском языке лексемой-турцизмом является лексема *пари* (мн. ч. лексемы *пара* — ‘деньга’, ‘монета’, ‘грош’; перс. *pare*; тур. *para* — деньги, монета) — деньги. Это связано с ценностным представлением реалии, обозначаемой данной лексемой. Активность функционирования лексемы *пари* зафиксирована приблизительно в пятидесяти фразеологических единицах и пятнадцати фразеологизмах с компонентом *пара* [Кошелева, Леонидова, 1974: 416–419]; во фразеологизмах обе лексемы выступают в значении ‘деньги’: *вадя луди пари* — зарабатывать бешеные деньги; *греба пари (като) с шинник*, разг. — грести деньги лопатой; *за пет пари ум ням*, разг. — ума ни на грош; *продавам човека за пара*, разг. — за деньги готов на все; за деньги готов продать человека; *греба пари (като) с шинник*, разг. — грести деньги лопатой; *лапам луди пари*, разг. — зашибать бешеные деньги; *луди пари* — бешеные деньги; *пара тече*, разг. — деньги сами плывут; *пари не струва*, разг. — гроша ломаного не стоит; *сухи пари*, разг. — чистоган, наличные; *удрям пара*, разг. — зарабатывать большие деньги; *харча пари наляво и надясно*, разг. — сорить деньгами; *чисти пари* — чистые деньги (без вычетов); *чувал с пари* — денежный мешок и др.

Лексемой *пара* был реализован и словообразовательный потенциал: *опарича се* — раздобыть денег, разжиться

деньгами; *парица*, *паричка* — уменьшительные от лексемы *пара*.

В современном болгарском языке наряду с турцизмами *пара* и *пари* употребляются славянские лексемы со значением денег: *лев* — денежная единица Болгарии (введена в 1880 г.) и *стотинка* — разменная монета Болгарии, равная $\frac{1}{100}$ лева. Обе эти лексемы являются компонентами фразеологизмов, в отдельных случаях синонимичными лексемам *пара* и *пари*. Ср.: *нямам пукната пара* — нямам пукнат лев — нямам пукната стотинка — нет ни гроша; *не струва пукната пара* — не струва пукнат лев — не стоит ломаного гроша.

В современном татарском языке в наименованиях денег сохранились древнетюркские основы лексем: *акча* (деньги); *сум* (рубль) от *сон*, *сом* (слиток золота, серебра, бронзы и счетная единица) и лексема *тиен* (копейка, мелочь, монета).

По нашим наблюдениям, среди самых частотных болгарских фразеологизмов выделяются те, которые своей семантикой указывают на жизненно очень значимые представления человека — **о ценностях**: *акъл* (ум, разум, рассудок) — 66 фразеологизмов; *кеф* (кайф; настроение) — 18 фразеологизмов; *късмет* (судьба; счастье) — 25 фразеологизмов; *пара* (деньга, монета) — 25 фразеологизмов; *пари* (деньги) — 40 фразеологизмов; *джоб* (карман) — 19 фразеологизмов; *кесия* (кошелек, кошелек) — 18 фразеологизмов; *шега* (шутка) — 21 фразеологизм;

и **антиценностях**: *бея* (беда, несчастье, неприятность) — 17 фразеологизмов; *зор* (трудность, затруднение) — 11 фразеологизмов; *лош* (плохой; подлый человек), *лошо* (плохо) — 40 фразеологизмов; *къорав* (слепой), *къораво* (легкая нажива) — 10 фразеологизмов.

III. Роль социолингвистического фактора в сохранении турцизмов в болгарском языке выразилась в том, что частичным субстратом турецкого языка в Болгарии в тот период был тюркский язык. Как известно, «субстрат предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами

коренного населения через стадию двуязычия. Источником субстрата может быть язык как родственный языку-победителю, так и неродственный» [ЛЭС, 1990: 497].

Обобщая проанализированный материал, можно утверждать, что исследованные болгарско-татарские параллели-аппроксиматы неоднородны. Определенную часть турцизмов в болгарском языке составляют устаревшие турецкие заимствования, тогда как в татарском языке их параллели активно функционируют: болг. *байрак* (знамя, флаг) – тат. *байрак* (знамя, флаг); болг. *борч* (денежный долг) – тат. *бурыч* (1. долг; задолженность; 2. задача, обязанность, долг, повинность) и др.

Другая часть этих лексических параллелей активна как в болгарском, так и в татарском языке, о чем говорит количество фразеологизмов с компонентом-турцизмом и словообразовательные гнезда. Ср. болг. *кавга* (ссора, брань, ругань), *кавгаджийка* (сварливая женщина, склочница, задира), *кавгаджийски* (сварливый), *кавгаджия* (сварливый человек, задира, склочник) – тат. *гауга* (1. шум, гам, галдеж, гвалт; 2. раздор, спор, скандал), *гаугалашу* (1. шуметь, галдеть; 2. ссориться, скандалить), *гауалы* (1. шумный, беспокойный; 2. скандальный, спорный), *гаугасыз* (1. тихий, спокойный; 2. не связанный со скандалами), *гаугачан* (любящий поскандальить, склонный к скандалам), *гаугачы* (скандалист, крикун, крикливый человек), *гаугачыл* (любящий поскандальить), *гаугачылык* (скандальность).

Глубокое различие в семантике освоенных болгарским языком турцизмов и их татарских параллелей заключается в том, что в татарском языке эти лексемы не имеют такой отрицательной коннотации, которая есть у некоторых болгарских лексем-турцизмов, хотя значение «обидной» характеристики присутствует и в семантической структуре некоторых татарских лексем-аппроксиматов. Наделение в болгарском языке турцизмов отрицательным, «обидным» смыслом объясняется, на

наш взгляд, ролью экстралингвистического фактора, раскрывающего отрицательный след в языковом сознании болгар через отношение к языку народа-поработителя.

Определенную часть болгарских турцизмов представляют лакунарные по отношению к татарской лексике единицы, которые своей семантикой раскрывают специфику культуры Болгарии, ее национальных традиций, ментальные предпочтения болгар, своеобразие ландшафта и т.д.

Основными факторами, способствовавшими сохранению и функционированию (порой активному) турцизмов в болгарском языке, являются хронологический и социолингвистический. Большую роль в этом процессе сыграли также лингвистический и аксиологический параметры. Первый связан с системно-уровневой организацией языка. В аспекте рассматриваемой проблемы пуристических тенденций по отношению к турцизмам болгарского языка и динамики языковых и исторических процессов, протекавших в болгарском языке и в самой Болгарии, можно утверждать: несмотря на то, что часть турцизмов переместилась в разряд устаревших, замененных славянизмами или интернационализмами, она продолжает функционировать в другой форме, в другой сфере, на другом языковом уровне болгарского языка, сохраняясь в форме дериватов, в виде компонентов фразеологизмов, в виде семантических и словообразовательных неологизмов; с иной стилистической окраской и иной коннотацией, а также в другой сфере (например, в диалектной). Как видно, турцизмы совсем не исчезли, а приняли другую форму с другим содержанием. Таким образом, наблюдается тенденция своеобразного сохранения «энергии» слова.

Влияние аксиологического фактора связано с локусом турцизма в системе ценностей; аксиологически полярные лексемы-турцизмы, обозначая конвенциональные и ментально-культурные ценности и антиценности, не только

сохраняются в болгарском языке, но и являются частотными.

Аксиологическая значимость указанной тенденции сохранения «энергии» слова заключается в том, что она

сохраняет язык как систему, препятствуя появлению условий для языкового хаоса. А связанные с этой тенденцией языковые единицы становятся частью интернационального фонда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Алефиренко Н.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Алефиренко. — М.: Academia, 2002. — 391 с.

² *Байрамова Л.К.* Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка (в сопоставлении с татарским языком) / Л.К. Байрамова. — Казань: Алма-Лит, 2007. — 330 с.

³ *Венедиктов Г.К.* Современный болгарский язык на стадии формирования: (проблемы нормализации и выбора диалектной основы): научный доклад ... д-ра филол. наук. — М., 1992. — 42 с.

⁴ *Крушевский Н.В.* Заговоры как вид русской народной поэзии / Н.В. Крушевский. — Варшава, 1876. — 69 с.

⁵ *Толстая С.М.* «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры / С.М. Толстая // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М.: Наука, 1994. — С. 143–147.

⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер // М.: Прогресс, 1981. — Т. III. — 831 с.

⁶ *Цонев Б.* Турски думи в български език / Б. Цонев // История на българския език. — Т. 1. А. Обща част. В. Специални части. — София: Наука и изкуство, 1984. — С. 177–191.

⁷ *Бонджолова В., Петкова А.* Речник на новите думи в съвременния български език. — Велико Търново: Слово, 1999. — 140 с.

⁸ *Ганчев Гано, Георгиева Албена.* Речник на обидните думи и изрази в българския език / Гано Ганчев, Албена Георгиева. — София: Наука и живот, 1994. — 238 с.

⁹ *Кошелев А.К., Леонидова М.* Българско-руски фразеологичен речник / А.К. Кошелев, М. Леонидова. — София – Москва: Руски език, 1974. — 635 с.

¹⁰ *Кювлиева В.* Представяне на някои турски заемки и на производни с турски форми в Тълковен речник / В. Кювлиева // Първа национална младежка школа по езикознание. — София: Българска Академия на науките, 1981. — С.129 – 132.

¹¹ *ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. редактор В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 883 с.

¹² *Ismet Zeki Eyuboglu.* Turk Dilinin Etimoloji Sozlugu / Zeki Eyuboglu Ismet. — Istanbul, 1995. — 782 с.

Аннотация

В статье анализируются ориентализмы в болгарском языке в сопоставлении с татарским языком (болгарско-татарские аппроксиматы), указываются объективные и субъективные аргументы болгарского пуризма по отношению к ориентализмам, а также лингвистические, социолингвистические, аксиологические и др. факторы сохранения ориентализмов в болгарском языке. Автор выдвигает идею о действии своеобразного закона сохранения энергии слова.

Ключевые слова: ориентализмы, аппроксиматы, турцизмы, пуризм, энергия слова, болгарский язык.

Summary

The author of the article analyzes orientalisms in the Bulgarian language in comparison with the Tatar language (Tatar-Bulgarian approximates), points out objective and subjective arguments of the Bulgarian purism concerning orientalisms as well as linguistic, sociolinguistic and axiological factors of preservation of orientalisms in the Bulgarian language. The author puts forward the idea about the force of the peculiar law of conservation of the word's energy.